

ПРОБЛЕМЫ МЕТОДОЛОГИИ ИСТОРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ В ПУБЛИКАЦИЯХ Г.С. ФРИДЛЯНДА

© 2022

Мочалов Д.П.

Оренбургский государственный педагогический университет (г. Оренбург, Российская Федерация)

Аннотация. Целью статьи является рассмотрение методологической проблематики в работах советского историка Григория Самойловича Фридлянда. На материале его журнальных публикаций прослеживается ряд тем, которые представляют собой оригинальное развитие положений исторического материализма применительно к исторической науке и конкретным проблемам исторического исследования. Обозначено то влияние, которое могло оказать на выводы Г.С. Фридлянда участие в философских дискуссиях 1920-х годов. Прослеживается отношение Фридлянда к проблемам категориального аппарата, теории общественно-экономических формаций, к вопросу о роли личности в истории и влиянию методологии исследователя на определение круга привлеченных исторических источников. Во всех поднятых вопросах продемонстрирована как конкретизация общих положений материалистического понимания истории, характерного для того времени, так и выход на новые рубежи, которые представляют собой оригинальную попытку развить марксистские построения. Особое внимание уделено прогностическим элементам построений Фридлянда, в которых он предвидел будущий вектор развития исторической науки. Делается вывод о необходимости изучения становления советской методологии истории, как важного этапа развития исторической науки в нашей стране, и преодоления нигилизма к ней, сформированного историографической ситуацией перестроечного времени.

Ключевые слова: методология истории; исторический материализм; историческая наука; марксизм; формационный подход; Фридлянд.

PROBLEMS OF HISTORICAL RESEARCH METHODOLOGY IN G.S. FRIDLJAND'S PUBLICATIONS

© 2022

Mochalov D.P.

Orenburg State Pedagogical University (Orenburg, Russian Federation)

Abstract. The purpose of the paper is to consider methodological issues in the works of the Soviet historian Grigoriy Samoylovich Fridlyand. Based on the material of his journal publications, a number of topics are traced that represent an original development of the provisions of historical materialism in relation to historical science and specific problems of historical research. The influence that participation in philosophical discussions of the 1920s could have on G.S. Fridlyand's conclusions is indicated. The author traces Fridlyand's attitude to the problems of the categorical apparatus, the theory of socio-economic formations, the question of the role of personality in history and the influence of the researcher's methodology on determining the range of historical sources involved. In all the questions raised, both the concretization of the general provisions of the materialist understanding of history, characteristic of that time, and the entry into new frontiers, which represent an original attempt to develop Marxist constructions, are demonstrated. Special attention is paid to the prognostic elements of Fridlyand's constructions, in which he foresaw the future vector of the development of historical science. The conclusion is made about the need to study the formation of the Soviet methodology of history as an important stage in the development of historical science in our country and overcoming nihilism towards it, formed by the historiographical situation of the perestroika period.

Keywords: methodology of history; historical materialism; historical science; Marxism; formational approach; Fridlyand.

Григорий Самойлович Фридлянд не является фигурой забытой или находящейся на периферии историографии. С момента опубликования первого крупного реабилитационного материала [1] отечественная историография Великой французской революции не обходится без его упоминания. Вместе с тем с течением времени стали открываться новые сюжеты, связанные с этим исследователем, позволяющие по-новому взглянуть на его роль в отечественной исторической науке, не ограничивая ее одним лишь вкладом в изучение Великой французской революции.

Дело в том, что Григорий Фридлянд тесно соприкасался с ведущими советскими философами того времени, так называемыми «диалектиками», их в ли-

тературе тех лет также именовали «деборинцами» (от фамилии руководителя группы А.М. Деборина). В дискуссиях, которые они вели с другой школой советской философии, «механистами», решалась будущность тех или иных методологических установок не только для естественных, но и для общественных наук. Фридлянд как философ – практически не затрагивавшаяся ранее тема, хотя она тоже имеет место быть.

Г.С. Фридлянд, наряду с рядом видных «деборинцев», выступил одним из учредителей Общества воинствующих материалистов и полностью солидаризировался с оценкой «механистов» как течения, философски родственного западной социал-демократии [2, с. 225–226]. Вообще относительно философских

вопросов Фридлянд, несмотря на работу в несколько иной сфере, выступал довольно активно и можно даже сказать агрессивно. В 1930 году он открыто упрекал остальных членов Коммунистической академии в том, что они нейтрально относились к проходившей в стране философской дискуссии, так как, по мнению выступавшего, «...проблема философии марксизма не есть частная проблема одного или другого сектора Комакадемии – это общие проблемы всех наших учреждений и секторов» [3, с. 67]. К тому же нельзя забывать, что Фридлянд тесно контактировал со многими «диалектиками» в рамках Института Маркса и Энгельса [4, с. 268–269], а также в рамках Комакадемии. В Институте истории при Коммунистической академии, в рамках секции по методологии истории, из по-настоящему крупных фигур помимо М.Н. Покровского работали только Г.С. Фридлянд и философ-«диалектик» Степан Саввич Кривцов [5, с. 221]. Эта работа на стыке частной науки и философии как нельзя лучше способствовала развитию интереса к методологическим проблемам исторического знания.

Вместе с тем как самостоятельная тема методологическая часть наследия Г.С. Фридлянда рассмотрена явно недостаточно. В четвертом томе «Очерков истории исторической науки в СССР» Григорий Самойлович Фридлянд детальнее всего рассмотрен, конечно же, как историк революционной Франции, но количественно он чаще всего упоминается именно в связи с методологическими дискуссиями тех лет [6]. Однако это лишь небольшие и поверхностные штрихи. Заметим также, что практически всегда, когда Фридлянд упоминается в работе «Великая французская революция в советской историографии» Александра Витальевича Гордона [7], речь идет не только и не столько о конкретной оценке того или иного события, сколько о принципиальных установках исследования.

В данном материале мы намерены рассмотреть журнальные публикации Г.С. Фридлянда различных лет, дабы выделить из них его методологические взгляды. Данный источник более предпочтителен, поскольку такие публикации более предметны и вместе с тем воспринимаются как «незначительные» продукты интеллектуальной деятельности, а потому редко становятся предметом самостоятельного рассмотрения в сравнении с монографиями. Тематически мы исключаем из рассмотрения те, которые были связаны с критикой последователей М. Вебера и Г. Риккерт, поскольку данная тема чрезвычайно обширна и требует самостоятельного изучения.

Прежде всего, отметим по-хорошему дотошное отношение Григория Самойловича по отношению к вопросам понятийного аппарата: «Как мы уже отмечали в положительной своей части, буржуазная историография заменяет понятие «класс» неопределенным понятием «социального». Она растворяет классы в бесформенной «социальной массе» или заменяет анализ классовую борьбу описанием положения и роли отдельных групп, эти классы составляющие, оставляя при этом совершенно в стороне роль этих «социальных групп» в процессе производства» [8, с. 27]. Здесь он наглядно демонстрирует читателю,

что замена, казалось бы, синонимичных понятий влечет за собой, при глубоком рассмотрении, полноценную методологическую переориентацию. Это будто бы написано в предвидении будущего, когда тысячи современных студентов в докладах у кафедр и в своих выпускных работах, пользуясь достижениями советской историографии, будут старательно избегать «устаревшей» марксистской терминологии, убивая тем самым весь смысл сказанного и написанного ими. Фридлянд упреждает – за понятийным аппаратом большая сила, с языком науки нельзя шутить.

Именно это и стало основным мотивом критики Фридляндом работы «Очерки из экономической истории средневековой Европы» за авторством Д.М. Петрушевского – использование последним внеисторических по своему содержанию понятий, которое является плодом его попытки совместить идеи Генриха Риккерт и Макса Вебера. Как уже сказано в начале статьи, мы лишены возможности рассматривать эту дискуссию детально в силу ограниченности формата, но остановимся на том, что поможет нам выявить положительные взгляды самого Фридлянда на ряд вопросов.

Согласно интерпретации Г.С. Фридлянда, взгляды Петрушевского таковы, что конкретность понятия не плюс его, а, напротив, – изъян. Что если бы тому же термину «капитализм» была присуща внеисторичность, если бы его можно было применить к тем или иным элементам развития на протяжении всей истории, то оно от того только выиграло бы [9, с. 155–156]. Фридлянд настаивает: присущее данной исторической эпохе и существующее в данных условиях «внеисторическими» категориями объяснить невозможно [9, с. 156].

Вступая в полемику уже с А.И. Неусыхиним, он отмечал, что в самом использовании общих понятий нет ничего плохого, но плохо то, что, становясь вневременными, внеисторичными, они перестают иметь что-либо общее с конкретными фактами [10, с. 89–90, 104, 127]. Еще раз тема была поднята в том же году на страницах «Под знаменем марксизма»: «... не описание, а анализ конкретной действительности, индивидуальных фактов с помощью политико-экономических и социологических абстракций (производительные силы, производственные отношения, классы и т.д.). С их помощью Маркс сводит историческую индивидуальность к типичному понятию, к "социологической категории"» [9, с. 154].

Интересно, что Фридлянд в своей полемике делает очень характерное замечание: «Он зовет к тщательному изучению деталей. Мы можем приветствовать это начинание проф. Петрушевского. Но дело обстоит совершенно иначе, дело обстоит так, что на каждой странице своей книги проф. Петрушевский сам противоречит себе, ибо каждый раз конкретный анализ его перебивается вредной схемой его методологического введения. Последнее должно быть отброшено вместе со всеми, вытекающими из него, ложными историческими конструкциями» [10, с. 90]. Это почти дословно повторяет те обвинения, которые будут бросать советской исторической науке спустя 60 лет. От того тем более любопытно, что Цви Фридлянд сам признает то огромное влияние,

которое оказал Петрушевский на формирование первых советских историков-марксистов [10, с. 85–86].

Почти за два года до ареста, то есть уже под конец творческого и жизненного пути, Фридлянд не бросает данной темы. В статье «Энгельс об истории как науке»: «... основные логические понятия исторического исследования являются итогом изучения прошлого и только в такой мере они пригодны для дальнейшего анализа исторических фактов» [11, с. 8]. То есть эту претензию нельзя рассматривать как единичный случай, использованный для борьбы с Петрушевским и его учеником. И в данной конкретной статье это тоже не просто декларация. Анализируя гегелевскую «Философию истории», Г.С. Фридлянд не будет ограничиваться одной лишь методологической критикой, которая в научной среде тех лет уже не требовала особых интеллектуальных затрат и могла обойтись цитатами из «канонических текстов». Он приступит именно к конкретно-историческому разбору тех исторических фактов, на которые опирался немецкий философ в своих построениях. Причем разбор этот сделан с опорой на современников Гегеля, а не с высоты следующих эпох [11, с. 12–13].

И эта критика, к слову, позволяет ему сделать важный для своего времени вывод: принцип историзма в марксизме не может иметь единственным своим источником немецкий идеализм. В реальности Марксу и Энгельсу пришлось преодолевать не только исторический идеализм Гегеля как метод, но и массу его конкретно-исторических ошибок. Без опоры на историческую науку Франции и Англии это было бы невозможно [11, с. 13].

На протяжении всей дискуссии по поводу книги Д.М. Петрушевского для современного читателя Фридлянд может выглядеть как фанатичный ортодокс, беспричинно нападающий на работу, которая ныне признана вехой отечественной исторической науки: «... что расходится с марксизмом, расходится с наукой в ее высших достижениях. Так мы ставим вопрос» [10, с. 126]. Но вместе с тем это не должно загораживать от нас тот факт, что поднятая им проблема гипостазирования «общих понятий» вроде «капитализм», «феодализм», лишение их конкретно-исторического содержания – реальна. Это таит в себе опасность превращения истории в схему, и эта опасность в советской исторической науке реализуется сполна и не раз. Как будто бы в будущее, отвечая критикам из постсоветского времени, Фридлянд категорично заявляет: «Нас хотят изобразить варварами, которые хотят напасть на науку во имя марксизма. Нет! Но мы будем вести упорную борьбу против варварского наступления на марксизм со стороны модных западноевропейских философских школ и их русских учеников. Мы постараемся, чтобы у нас в СССР была изжита старая привычка переносить на русскую почву самое "новое", самое модное, самое "последнее" слово снятой с последней полки университетской библиотеки книги, как новое откровение, новое "толкование" марксизма» [10, с. 127]. К этой установке можно сделать лишь ту поправку, что истинный враг был в отражении, так как последующие судьбы исторической науки в СССР покажут, что

подобные угрозы могут произрастать и на местной почве.

Переходя к следующей теме, сразу отметим, что мы солидаризируемся с позицией В.А. Колосова о том, что учение об общественно-экономических формациях в 1920-х годах находилось на периферии внимания исторической науки и по-настоящему эта часть марксистского учения закрепится только в 1930-х [12, с. 122–133]. Вместе с тем мы не можем разделить тезиса автора о том, что это связано в том числе с игнорированием «деборинской школой» теоретической роли Ленина и преувеличением роли Плеханова, который этими проблемами якобы не интересовался. В этом пункте автор все еще находится в плену языка постановлений периода культа личности.

Во-первых, автором первых трудов о Ленине как теоретике марксизма был ближайший ученик А.М. Деборина – Иван Капитонович Луппол. Во-вторых, даже в 1930 году (над «диалектиками» уже сгущались тучи) не кто иной, как Г.С. Фридлянд нашел в себе смелость заявлять, что первым человеком в советской литературе, кто всерьез поставил на обсуждение вопрос об общественно-экономической формации как категории и вообще ряд других проблем методологии истории, был Н.А. Карев [13, с. 160]. Это еще один ученик А.М. Деборина. В-третьих, сам Григорий Самойлович, как связанный с данной школой, уделил этой теме некоторое внимание.

В отличие от некоторых обществоведов своей эпохи, Фридлянд был далек от чисто механического понимания зависимости надстройки от базиса, подразумевающую техницизм как ответ на все вопросы. По его мнению, нельзя отрывать экономическое от социального, а технические новации – от всей системы производственных и общественных отношений. В противном случае получается вульгаризация и схематизм в историческом процессе. На это указывали многие историки своего времени, но Фридлянд сделал ценное замечание о том, что такой подход к историческому материализму имел корни в дореволюционном экономизме, который как политическая практика был чрезвычайно распространен среди социал-демократов своего времени [14, с. 17–18]. Причем это не есть ходовое политическое обвинение, поскольку на примере Б.И. Горева нами в одной из публикаций уже было рассмотрено, что меньшевики, даже искренне переходя на сторону новой власти, тянули за собой в науку свою прежнюю, еще меньшевистскую проблематику и зачастую прежние оценки и подходы [15].

Вообще постулирование активной, деятельной силы исторического субъекта в эпохи перехода от одной формации к другой выгодно отличало Фридлянда от многих других специалистов своего времени. Он утверждал, что входившие в то время в условный «канон» воззрения Г.В. Плеханова на роль личности в истории – это не решение вопроса. Это лишь правильная, материалистическая постановка проблемы, которую еще предстоит решить [16, с. 220].

Каким образом Фридлянд стремиться развить марксистскую позицию? Во-первых, он обращает внимание на то, что новый порядок никогда не вызревает в старом до конца. Даже буржуазия, которая

получает экономическую власть, то есть власть де-факто, вынуждена после революции активно дотраивать новый порядок, ломать многое прежнее, одним словом – действовать активно, творчески, пусть даже и в рамках объективных законов [17, с. 204]. Соответственно, тут подразумевалось, что строительство социализма, происходящее сознательно и творчески, отнюдь не исторический нонсенс.

Во-вторых, Г.С. Фридлянд приходит к следующему суждению: «Фаталистическое понимание "неизбежности" революции, механическое понимание ее обусловленности "во времени" от созревания всех экономических предпосылок чуждо марксизму еще и потому, что оно не учитывает особенностей пролетарской революции в отличие от революции буржуазии. В дальнейшем мы в другой связи специально займемся этим вопросом. Здесь отметим только, что реформисты не учитывают одной органической особенности эпохи империализма: возрождение корпоративности, вернее, победы организованной коллективности над индивидуализмом. Каждый человек выступает в наше время как член коллектива, союза, партии, предпринимательской организации и т.д. Вот почему в нашу эпоху классовая борьба есть борьба организованных единиц. Кроме всего прочего, это означает огромный рост удельного веса социальной воли в историческом процессе, воли, конечно, экономически обусловленной» [17, с. 204].

Это суждение чрезвычайно важно тем, что не только конкретизирует вопрос о роли личности в истории, но и тем, что пытается проложить дорогу тезису об усилении субъективного фактора в истории. В советское время много писалось о том, что с прогрессом истории возрастает роль субъективного фактора, но почти никогда это положение не конкретизировалось. Фридлянд, возможно, первый, кто хотя бы на уровне подобного высказывания попытался раскрыть конкретный механизм такого явления.

К тому же эта мысль пытается сказать нам нечто определенное о роли масс в истории. Последнее для советской исторической науки, по крайней мере в рассматриваемый период, было редкостью. Людям первых постреволюционных лет, наблюдавших воочию массовые движения и масштабные социальные катаклизмы, роль масс в истории казалась самоочевидной и не требующей самостоятельного теоретического осмысления. В основном писали о роли отдельной личности в истории, причем почти всегда крупной. Примеры марксистской методологии в этом плане всегда щедро иллюстрировались «ленинами» и «наполеонами», но почти никогда – ролью маленькой личности, простого человека. Так что в этом плане Фридлянд был новатором, пусть суждения его в рассматриваемых публикациях не особо подробны.

Характерно, что анализируя «Философию истории» Гегеля в 1930-х и следуя, в общем и целом, за оценками В.И. Ленина об «антикварности» этой работы, именно мысль о «малых силах» в истории и о роли индивидуальных волей простых людей Фридлянд подчеркнул в этом произведении как важнейшую [11, с. 11–12].

Еще одной любопытной темой, к которой Фридлянд никогда не обращался специально, но которая

имплицитно содержится в его публикациях по различным вопросам, это его специфическое отношение к историческому источнику. Как известно, в большинстве тем невозможно охватить абсолютно весь существующий материал, ибо при должном развитии техники исследования и исторических методов даже давно введенные в оборот источники могут рассказать много нового. Дабы не «утонуть» в материале, историк всегда вынужден строго очерчивать не только тему рассмотрения, но и круг рассматриваемого. На то существуют внешние по отношению к исследованию причины: географическая удаленность исследователя от тех или иных источников или особая политика государства, ограничивающая к ним доступ. С точки зрения развития внутренней логики исследования на отбор источников может оказывать влияние предыдущая историографическая традиция и, что для нас важно, методологические установки конкретного исследователя. То, как последнее проявлялось у Г.С. Фридлянда, представляет особый интерес.

Начнем с подтверждения того, что наша позиция о влиянии методологических установок на определение источниковой базы исследования разделялась самим Фридляндом целиком и полностью: «Будем надеяться, что составители "Хрестоматии" согласятся, что и при подборе документов, "объективных документов", огромное значение имеют вопросы методологии. Что и для чего выбирать из огромной массы источников в значительной степени предпрещает вопрос о результатах исследования» [18, с. 184]. Но какие же выводы из этого положения делал Фридлянд для себя?

В статье «Французская печать об Октябре» он бросает следующую реплику: «Капиталистическая печать – кривое зеркало истории. Современный историк, который хотел бы воспользоваться газетами, как серьезным источником, не многим бы отличался от историка средневековья, для которого славословия придворных поэтов служили бы "хроникой" и "летописями"» [19, с. 71].

Столь же спорным и вместе с тем крайне любопытным моментом для современного историка может быть отношение Г.С. Фридлянда к той источниковой базе, которую отобрал для своей работы «Французская революция» Луи Мадлен. Рецензент негодуяше восклицает: «Письма, как материал исторического исследования?! Уже одно это свидетельствует о научной ценности книги» [20, с. 198]. Подобное заявление сегодня звучит как вызов господствующей парадигме, заостряющей внимание на повседневности человека и его внутреннем мире чуть ли не в качестве смысла всего исторического процесса.

Конечно же, в этой рецензии Фридлянд вместе с тем отмечает, что использование, по его терминологии, «человеческих документов» вполне допустимо. И повторяет эту позицию еще раз уже в другом материале [21, с. 163]. Даже в 1936 году, бичуя работу Даниэля Морнэ «Интеллектуальные истоки французской революции», главный свой удар Фридлянд направляет на то, что в проработке темы автор осознанно отгородился от афиш, плакатов, прокламаций, народных стихов и прочего массового материала

ла, исходящего из толщи народной среды. По мнению Г.С. Фридлянда, интеллектуальная история революции без этого не мыслима [22]. Тем более сам Фридлянд в своих работах никогда не отказывался, например, от мемуарной литературы.

Просто понимание класса как главного субъекта истории подталкивает к тому, что полноценно охватить эту общность можно только на чрезвычайно широком социально-экономическом материале. Источники личного происхождения здесь ненадежны. Само собой «классовое» проявляется в том числе и в частном, и через частное, и даже история повседневности может быть рассмотрена под марксистским углом, но общественная обстановка того времени блокировала подобные варианты. Достаточно посмотреть на отношение Фридлянда к перемене взглядов у Р.Ю. Виппера: «И дальше: "происшествия – внешняя история общества должна занимать нас теперь больше внутренней; мы придавали мало значения личности, мы напрасно сводили крупные факты к действиям масс, мы переоценивали значение интересов и недооценивали роль идей". Такова в общих чертах "новая" философия истории Виппера. В переходе к идеализму – смысл его позиции» [23, с. 14]. То есть само смещение предмета рассмотрения куда-то в сторону от социально-экономической истории уже воспринималось в те годы как покушение на метод. В этом плане нужно констатировать, что молодая советская наука еще не была готова к рассмотрению многих частных проблем, связанных с генезисом и дифференциацией надстроечных явлений. Это требовало очень тонкой работы опосредования от общественного базиса, к которой советский марксизм пока не был готов.

Оценивая методологические взгляды Г.С. Фридлянда, нужно понимать, что вопросы методологии исторического знания находились на периферии гуманитаристики 1920–1930-х гг. Социальный оптимизм по поводу скорого мирового переустройства во всех его основаниях и вера во всеисилие марксизма были таковы, что в 1925 году один из советских философов, Н.А. Карев, заявлял, что в отношении истории методологические вопросы в основном уже решены [24, с. 39]. В юбилейной статье к 10-летию Октября ведущий советский философ того времени, А.М. Деборин, высказывался в том же духе: общественная наука буржуазии потерпела окончательный крах, без научного предвидения капитализм слеп и обречен [25, с. 6–7]. Таким образом, незначительность конкретизаций положений марксизма относительно исторической науки не должна нас смущать – она для той обстановки естественна. Конкретно же исканиям Фридлянда придает вес тот факт, что за эти вопросы взялся практикующий историк. Выше мы уже приводили его свидетельства о том, что вопросами исторического метода в те годы занимались преимущественно философы, в частности уже упомянутый Н.А. Карев. Несмотря на то, что сам Г.С. Фридлянд оценивает эту работу скорее положительно, вышеприведенная цитата Карева дает понять, что исторической методологией занимались те люди, для которых это дело не было проблемой обозримого будущего.

Вместе с тем даже в рамках того времени решались проблемы, важные и актуальные для методологии исторического исследования и сегодня. Споры о категориях, вроде дискуссий о понятии «феодализм» в медиевистике, не только исходят из накопленного материала конкретно-исторических исследований, но и определяют дальнейшую разработку частных проблем. То же можно сказать и о проблемах источниковедения.

Несмотря на то, что решение поднимаемых Фридляндом проблем ныне ушло много дальше, все это позволяет пересмотреть взгляд, унаследованный от историографической ситуации послеперестроечного времени, что советская методология истории во все периоды своей истории была лишь еще одним способом «пересказывать Ленина». Сегодня мы должны признать, что она вполне может стать предметом серьезного рассмотрения и обсуждения.

Список литературы:

1. Слущкий А.Г. Доктор исторических наук, профессор Григорий Самойлович Фридлянд (к семидесятилетию со дня рождения) // История и историки. Историография всеобщей истории / отв. ред. М.А. Алпатов. М.: Наука, 1966. С. 387–389.
2. Заседание Общества воинствующих материалистов // Под знаменем марксизма. 1927. № 4. С. 208–227.
3. Пленум Коммунистической Академии при ЦИК СССР 17 июня 1930 г. (стенографический отчет) // Вестник коммунистической академии. 1930. № 39. С. 14–90.
4. Цобель Э.О. Институт К. Маркса и Ф. Энгельса // Печать и революция. 1927. № 7. С. 257–269.
5. В институте истории при Комакадемии // Историк-марксист. 1929. № 14. С. 221–227.
6. Очерки истории исторической науки в СССР. Т. 4 / под ред. М.В. Нечкиной. М.: Наука, 1966. 854 с.
7. Гордон А.В. Великая французская революция в советской историографии. М.: Наука, 2009. 380 с.
8. Фридлянд Ц. Марксизм и западно-европейская историография // Историк-марксист. 1929. № 14. С. 13–35.
9. Фридлянд Ц. Два шага назад (о книге проф. Д.М. Петрушевского «Очерки из экономической истории средневековой Европы») // Под знаменем марксизма. 1928. № 2. С. 147–161.
10. Диспут о книге Д.М. Петрушевского // Историк-марксист. 1928. № 8. С. 79–128.
11. Фридлянд Ц. Энгельс об истории как науке // Историк-марксист. 1935. № 8–9 (48–49). С. 5–27.
12. Колосов В.А. Социальная философия: методологические проблемы (из истории отеч. философии 20-х – нач. 30-х гг.): учеб. пособие. Архангельск: Арханг. гос. техн. ун-т, 1999. 279 с.
13. Выступление Цви Фридлянда // Против механистических тенденций в исторической науке: дискуссия в Институте красной профессуры. М.; Л.: ГИЗ, 1930. С. 158–169.
14. Фридлянд Ц. Идеологи буржуазной реставрации // Печать и революция. 1923. № 1. С. 16–26.
15. Мочалов Д.П. Вопросы методологии истории в работах Бориса Исааковича Горева // Клио. 2021. № 8 (176). С. 68–74. DOI: 10.51676/2070-9773_2021_08_68.
16. Фридлянд Ц. Две книги о К. Марксе и Фр. Энгельсе // Под знаменем марксизма. 1924. № 1. С. 218–231.
17. Фридлянд Ц. В.И. Ленин и учение Маркса о революции // Воинствующий материалист: сб. Кн. 2: О Ленине. М.: Материалист, 1925. С. 199–225.

18. Фридлянд Ц. Рецензия: Хрестоматия по социально-экономической истории Европы в новое и новейшее время под ред. В.М. Волгина // Историк-марксист. 1929. № 11. С. 184–187.

19. Фридлянд Ц. Французская печать об Октябре // Историк-марксист. 1927. № 5. С. 71–93.

20. Фридлянд Ц. Рецензия: Луи Мадлен. Французская революция. Т. I и II // Печать и революция. 1923. № 4. С. 197–199.

21. Фридлянд Ц. Рецензия: Гр. Пурталес. Между миром и войной (Воспоминания бывшего германского посла в России) // Печать и революция. 1923. № 7. С. 163–164.

22. Фридлянд Ц. Рецензия: Даниэль Морнэ. Интеллектуальные истоки французской революции. 1715–1787 // Историк-марксист. 1935. № 2–3 (42–43). С. 149–151.

23. Фридлянд Ц. Круговорот профессора истории // Печать и революция. 1923. № 6. С. 8–19.

24. Карев Н.А. Проблема философии в марксизме // Под знаменем марксизма. 1925. № 8–9. С. 5–43.

25. Деборин А.М. Диктатура пролетариата и теория марксизма // Под знаменем марксизма. 1927. № 10–11. С. 5–45.

Информация об авторе(-ах):	Information about the author(-s):
Мочалов Дмитрий Петрович , специалист отдела научных программ, грантов и хозяйственной деятельности; Оренбургский государственный педагогический университет (г. Оренбург, Российская Федерация). E-mail: dosoldschool@yandex.ru.	Mochalov Dmitrii Petrovich , specialist of Scientific Programs, Grants and Contractual Activities Department; Orenburg State Pedagogical University (Orenburg, Russian Federation). E-mail: dosoldschool@yandex.ru.

Для цитирования:

Мочалов Д.П. Проблемы методологии исторического исследования в публикациях Г.С. Фридлянда // Самарский научный вестник. 2022. Т. 11, № 2. С. 222–227. DOI: 10.55355/snv2022112212.